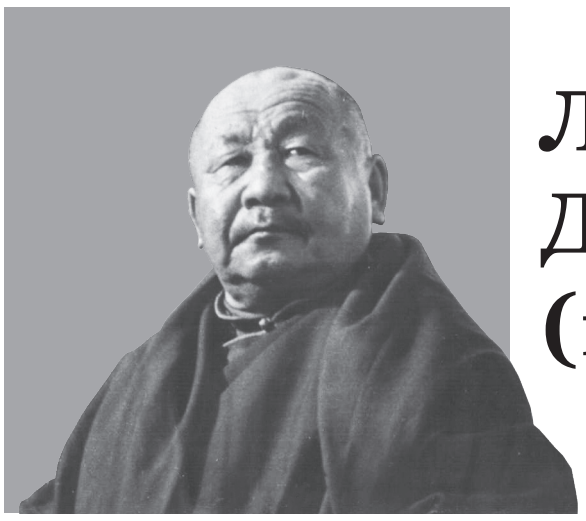
ТРАДИЦИОННАЯ Сангха России

Выпуск №68. Август, 2023. Издание Санкт-Петербургского Дацана Гунзэчойнэй www.dazanspb.ru



Лубсан-Нима Дармаев (1890-1960)

XVII Пандито Хамбо лама Лубсан-Нима Дармаев родился в 1890-м году в местности Гэдэн-Нюга Торейского аймака (Джидинский район Республики Бурятия) в многодетной семье скотовода Дармажапа Цыренова из рода Хорчид. В возрасте семи лет стал послушником Сартуул-Булагского дацана.

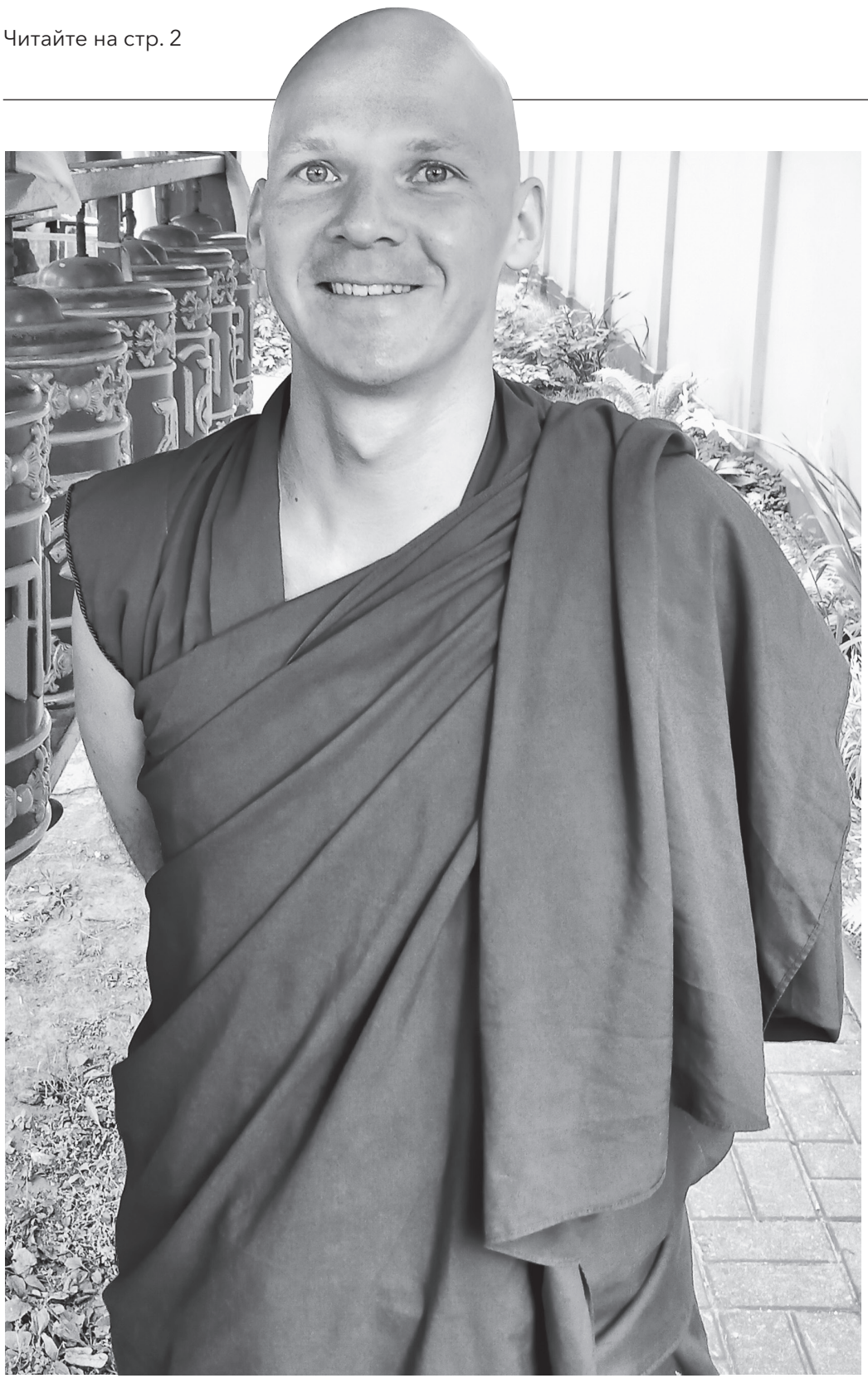
Читайте на стр. 2

Фотограф Запретного города:

Необычное путешествие Гомбожаба Цыбикова

Представляем вашему вниманию интервью с доктором исторических наук и писателем - Александром Ивановичем Андреевым.

Читайте на стр. 3-4



Канон или современное искусство?

Лама Ананда (Артём Соснин), завершив полный 8-летний курс обучения в Буддийском университете «Даши Чойнхорлин» по направлению «Буддийская философия», вернулся в родной Санкт-Петербургский буддийский храм – «Дацан Гунзэчойнэй». Помимо буддийской философии, лама несколько лет изучал технику буддийской иконографии, поэтому первая часть интервью, публикуемая в этом номере, раскрывает цели и задачи буддийской тханкописи. Надеемся, что ответы ламы помогут читателям воспринять привычные изображения по-новому и с большей пользой.

Продолжение статьи читайте на стр. 2 – 4

История Пандито Хамбо-лам России.
Лубсан-Нима Дармаев (1890-1960).

XVII Пандито Хамбо-лама Лубсан-Нима Дармаев родился в 1890-м году в местности Гэдэн-Нюга Торейского аймака (Джидинский район Республики Бурятия) в многодетной семье скотовода Дармажапа Цыренова из рода Хорчид. В возрасте семи лет стал послушником Сартуул-Булагского дацана. В ходе многолетней учёбы он значительно преуспел в буддийской философии чойра, защитил поэтапно степень гэбшэ (кандидат буддийской философии), а затем - габжа (доктор буддийской философии). В конце 20-х годов XX века Лубсан-Нима Дармаев был назначен ширээтэ (настоятелем) Сартуул-Булагского дацана. На III Духовном Соборе буддистов, состоявшемся в 1928 году, его избрали членом Центрального Духовного Совета (ЦДС).

В годы репрессий лама Дармаев был заключён в Кяхтинскую тюрьму и работал на строительстве железной дороги Наушки-Кяхта. Однажды, ослабленный болезнью, он потерял сознание на этой тяжелой работе. Решив, что он умирает, тюремные надзиратели бросили больного Дармаева в канаву, где его обнаружил житель села Верхний Торей - Г. Сосоров, с которым лама в юности учился в дацане. Он спас заключённого, спрятав его в пещере, где Дармаев скрывался в течение трёх лет. В 1940 году охотник из Верхнего Торея Нянтой Чойдоков случайно нашел его. Дарма Хамбо сказал ему: "Ты уведи и сдай меня властям, а дальше пусть все происходит, как тому суждено".

Во время войны лама находился в заключении. В 1944 году он был освобождён и полностью реабилитирован. Под руководством Дид Хамбо ламы Хайдапа Галсанова Дармаев принимал активное участие в сборе средств в Фонд обороны СССР и лично внёс 34 тысячи рублей, получил благодарность от И. В. Сталина. Лубсан-Нима Дармаев стоял у истоков становления Иволгинского дацана. Вместе с другими ламами в 1945 году он ездил в Москву с ходатайством к Сталину о строительстве буддийского храма. Под его руководством был построен самый первый Чойра-дуган. В 1946 году на съезде буддистов Дармаев избирается Пандито Хамбо-ламой, председателем Временного центрального духовного управления буддистов (ВЦДУБ).

Под руководством Пандито Хамбо-ламы начала восстанавливаться и религиозная деятельность бурятского духовенства – в послевоенные годы оно принимает активное участие в борьбе за всеобщую безопасность в мировом сообществе, вступив в ряды борцов за мир во всём мире.

В 1950 году Пандито Хамбо-лама Лубсан-Нима Дармаев принял участие в работе II и III Всесоюзных конференций сторонников мира в Москве. Бурятское духовенство под руководством Хамбо-ламы Дармаева организовало кампанию по сбору подписей под воззванием Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью державами. Хамбо-лама и ламы Иволгинского Дацана выезжали в аймаки и проводили агитационную работу с призывом к верующим подписать воззвание ЦДУБ, участвовали в акциях протеста против применения бактериологического оружия американскими войсками в Корее; в сборе подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия.

Под руководством Хамбо-ламы была проведена большая работа по возрождению буддизма в Туве, для чего он неоднократно выезжал в республику.

Лубсан-Нима Дармаев стоял у истоков становления Иволгинского дацана. Вместе с другими ламами в 1945 году он ездил в Москву с ходатайством к Сталину о строительстве буддийского храма. Под его руководством был построен самый первый Чойра дуган.

В 1955 году XVII Пандито Хамбо-лама Лубсан-Нима Дармаев с группой лам подняли саркофаг в местности Хухэ Зурхэн с телом XII Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова. Убедившись в неизменности, как и прежде, нетленного состояния тела, они провели необходимые обряды, сменили одежду и вновь поместили тело в бумхан (саркофаг).

В 1960-м году Хамбо-лама Дармаев покинул физическое тело. Он умер во время медитации, перед этим дав наказ о кремации. Момент его смерти ламы Иволгинского дацана определили по капле крови, которая вытекла из носа на двенадцатый день погружения в созерцание. В позе лотоса тело Дармаева положили в саркофаг – деревянный короб, который поместили в землю на его малой родине. Зарыли неглубоко, а через несколько лет над ним воздвигли субурган. В его честь были построены два субургана, выкуплен отчий дом для музея и снят фильм; по правую сторону трассы, ведущей в Иволгинск, напротив Тапхара был обнаружен целебный источник.

Спустя 48 лет, 31 августа 2008 года, группа бурятских лам вскрыла саркофаг Лубсан-Нимы Дармаева. Скелет ламы спустя десятилетия по-прежнему находился в положении медитации.

11 мая 2023 года в местности Дабааны Ама (улус Нижний Бургалтай Джидинского района Бурятии) прошел ежегодный молебен "Дарма Хамба Ламын найр". Молебен был посвящён основателю Иволгинского дацана (Центра буддизма в России), ширээтэ-ламе Сартуул-Булагского дацана и XVII Пандито Хамбо-ламе - Лубсан-Ниме Дармаеву.

Канон или современное искусство?

Продолжение статьи. Начало читайте на 1 стр.

Уважаемый Ананда Лама, поскольку Вы изучали канонические традиции буддийской живописи, то первый вопрос коснется искусства. Не так давно мне встретились работы тханкописцев, в которых традиционные элементы соседствуют с современной эстетикой и символами мирской жизни. Авторы объясняют, что таким образом они могут более эффективно привлекать внимание зрителя к проблемам современности и одновременно знакомить их с буддийским учением – «лекарством» от этих проблем. Насколько такое сочетание адекватно с точки зрения учения и действительно способно приблизить человека к осознанию каких-либо истин? Какую цель преследует искусство традиционной буддийской иконографии?

Лама Ананда: Я начинал учиться рисованию в школе, когда увлекся граффити. Мне нравилась стилистика и экстремальность этого довольно активного занятия: оно соответствовало моему увлечению сноубордом и скейтбордом. Однако граффити зачастую является достаточно эгоистичным видом искусства - ведь художник повсюду оставляет свой «тэг» (псевдоним), оформляя его максимально масштабно и ярко. Позже, во время обучения промышленному дизайну в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете, я изучал такие классические предметы, как композиция, академический рисунок и живопись. Нас учили решать с помощью рисунка художественные и технические задачи, и моё желание эгоистичного самовыражения с помощью граффити трансформировалось. Дело в том, что дизайнер больше занимается решением определенных задач изобразительными средствами; художник – выражает свои собственные чувства, мысли, идеи в работе, стараясь проявить свою творческую индивидуальность. Я стал заниматься коммерческими заказами, расписывать фасады зданий и интерьеры помещений: на мой взгляд, буддийская философия уже содержит в себе достаточно глубоких идей, которые оформлены и сохраняют актуальность на протяжении веков. Буддийская икона – тханка – выражает эти идеи символически с определенной целью, что, к сожалению, часто не очевидно для большинства зрителей, особенно тех, кто лишь поверхностно знаком с учением. В процессе написания тханка нужно оставить желание выразить своё «я», и постараться предельно чисто и точно отобразить символы и идеи буддизма, которые она в себе содержит, не искажая их и не интерпретируя по-своему. Поэтому, когда берут за основу традиционное искусство тханка и трансформируют его в современное, изображения получаются чаще всего нелепыми или неуместными, и могут задеть чувства людей, поэтому к их созданию нужно подходить аккуратно, с глубоким пониманием и знанием канонов. Думаю, традиция буддийской иконографии не предполагает, что она будет переосмыслена и переработана в современное искусство. Видите ли, у самих авторов традиционной буддийской иконы нет намерения создать что-то «креативное», потому что с буддийской точки зрения эта попытка выразить в работе свою «уникальную личность» является довольно наивной и не имеет смысла.

«Традиция буддийской иконографии не предполагает, что она будет переосмыслена и переработана в современное искусство»

Буддийская тханка – не цель, а инструмент?

Лама Ананда: Изображение буддийских образов в тханке – это зачастую изображение тонких состояний ума, к которым практикующий пытается прийти. Они нужны ему для тренировки визуализации. Хотя в будущем он должен обходиться без помощи изображений. Поэтому внешне эта картина не обязательно должна быть привлекательной; главное, она должна быть правильно исполнена.

Продолжение статьи читайте на стр. 4

Фотограф Запретного города: необычное путешествие Гомбожаба Цыбикова

Представляем вашему вниманию интервью с доктором исторических наук и писателем - Александром Ивановичем Андреевым. Известный российский тибетолог рассказывает о талантливом учёном, путешественнике-исследователе, буддологе, профессоре ряда университетов, а также одном из первых фотографов Запретного города Лхасы – о Гомбожабе Цэбековиче Цыбикове (1873 – 1930). В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося востоковеда.

Уважаемый Александр Иванович, известно, что Гомбожаб Цыбиков стал первым бурятским профессором, однако этому предшествовали годы учебы, в которой он всегда показывал блестящие успехи. Это, как минимум, нетипично для юноши, родившегося в семье кочевника.

А. А.: Действительно, жизненный путь Цыбикова нельзя назвать предсказуемым. Один из первых фотографов Лхасы и Центрального Тибета, будущий профессор и исследователь, родился в Забайкалье, в небольшом селе Урда-Ага (численность населения и сегодня составляет менее 1000 человек). Его отец, Цэбек Монтуев, скотовод, происходил из рода Кубдутов. В юношеские годы он хотел стать буддийским священнослужителем, ламой, но его родители эту идею, мягко говоря, не приветствовали: они были ярыми шаманистами. Тогда он дал себе клятву, что если у него будут сыновья, один из них обязательно получит хорошее светское образование, а другой – духовное. Смерть двух старших сыновей укрепила его решимость исполнить своё обещание. Таким образом, когда Гомбожабу (в переводе с тибетского это имя означает - «спаситель веры») исполнилось семь лет, отец отправил его в приходскую школу Агинской степной думы (орган местного самоуправления агинских бурят в Российской империи).

Одним из учителей Гомбожаба был известный Буда Рабданов – журналист, этнограф-востоковед, дипломат и просветитель; он говорил на шести языках и был увлечен идеей просвещения своего народа. Через четыре года Гомбожаба перевели в недавно учрежденную гимназию в Чите – вместе с четырьмя другими школьниками. Курс обучения там длился 9 лет. Гомбожаб завершил его в 1893 году и был награжден серебряной медалью за успехи в учебе. Известно, что военный губернатор края Е. И. Мациевский отказался награждать «инородца» заслуженной им золотой медалью. Тем не менее, для продолжения образования Г. Цыбиков был всё-таки награждён Высочайше (то есть, самим Императором Всероссийским Александром III) Стипендией имени генерал-адъютанта барона Андрея Николаевича Корфа. Решением педсовета училища он был признан достойным продолжать своё образование в Томском Сибирском Императорском университете.

Цыбиков выбрал медицинский факультет, но бросил учебу после того, как встретил известного эмчи-ламу Петра Бадмаева,

Гомбожаб Цыбиков

который посещал Томск проездом. Последний раскрыл молодому студенту свои амбициозные планы, получившие одобрение правительства. Он посоветовал Цыбикову оставить свое намерение учиться медицине и вместо этого посвятить себя изучению восточных языков, поскольку это принесло бы больше пользы и ему, и российскому государству. В результате Цыбиков поехал в Ургу (Улан-Батор, Монголия), где в течение двух лет изучал монгольский и тибетский языки.

В 1895 году Цыбиков был зачислен на Восточный факультет Санкт-Петербургского Императорского университета для изучения языков и культуры Китая, Монголии и Маньчжурии. Петр Бадмаев обеспечил финансовую поддержку для оплаты его обучения и выплачивал ему ежемесячную стипендию. Со временем Бадмаев прекратил помогать ему, поскольку Цыбиков отказался принимать православие, на чём настаивал Петр Александрович, и сохранил приверженность естественной для него буддийской традиции. Это, как вы понимаете, было непростым испытанием для него.

Один из духовных учителей заметил, что человеку, который идет своим собственным путем, полагаясь на голос совести в оценке правильности поступков, сама жизнь открывает неожиданные возможности.

Молитвенный барабан, в котором Г. Цыбиков прятал фотоаппарат

Модель фотоаппарата, которым пользовался Г. Цыбиков

А. А.: Соглашусь с этим высказыванием, потому что как раз это и произошло с Гомбожабом Цыбиковым. Не имея других вариантов, он обратился за помощью к родственникам в родном селе, которые смогли собрать средства и он продолжил учебу в Университете. Здесь мы подходим к поворотному моменту в жизни будущего путешественника. Осенью 1898 года один из знакомых Гомбожаба, лама Янгажинского дацана, отправил ему рукопись, которая описывала путешествие в Тибет и Непал. Путешественником и автором рассказа был странствующий лама Бултумурского дацана - Лувсан Мижид-Доржо. Цыбиков показал рукопись одному из своих преподавателей, профессору А. М. Позднееву, который только что опубликовал аналогичный рассказ о путешествии в Азию. Заинтригованный отчетом ламы, Позднеев предложил Цыбикову по завершении учебы самому отправиться в путешествие в Центральный Тибет. Туда он смог бы проникнуть под видом буддийского паломника, что открыло бы перед ним двери Запретного города - Лхасы. Это было весьма заманчивым предложением для студента Восточного факультета. Цыбиков был окрылен возможностью стать исследователем Центральной Азии и пройти путем Пржевальского и других знаменитых путешественников России. Гомбожаб Цэбекович окончил Университет в 1899 году с дипломом первой степени и золотой медалью. Он получил блестящее образование, говорил на пяти языках, а будучи бурятом по происхождению, знал восточную культуру изнутри. Теперь он был готов для путешествия в Тибет. А. М. Позднеев представил Цыбикова Совету Императорского Российского Географического Общества (ИРГО). Совет, в свою очередь, горячо приветствовал идею «научного паломничества» в наименее исследованную часть Тибета. Общество обеспечило финансирование путешествия: часть средств должна была быть потрачена на приобретение тибетских ксилографических книг. Цыбикова также снабдили измерительными приборами и фотокамерой.

Должен задать вопрос, важный не столько буддологам, сколько фотографам: каким фотоаппаратом пользовался Цыбиков? В те годы камеры были весьма внушительных размеров. Было ли важно сохранить фотосъемку в секрете?

А. А.: Съемка Лхасы должна была осуществляться, конечно, в абсолютной тайне ото всех, поэтому он получил наиболее портативную модель на тот момент. У него была фотокамера компании A J Pipon (сама фирма просуществовала с 1894 до 1914 года), а модель камеры называлась «The Self-Worker». Она была рассчитана на съемку 12 кадров без перезарядки и позволяла фотографировать с рук. Кроме того, у него были объективы-анастигматы Герца (анастигмат - объектив, в котором исправлена кривизна поля изображения) и значительное количество английских пластин «Эмпресс» (Empress) фабрики Ilford размером 6 на 9 см.

Получив заказ от ИРГО, Цыбиков отправился сначала на родину, чтобы подыскать спутников для путешествия. А затем – в Ургу, отправную точку путешествия, где русский генеральный консул Российской империи Яков Парфеньевич Шишмарев выдал ему специальное удостоверение путешественника на четырех языках (русском, монгольском, маньчжурском и китайском), чтобы обеспечить некоторую безопасность. Наконец, 25 ноября 1899 года Цыбиков отправился в путь по маршруту, по которому ходили монгольские паломники - через горы Алашань, Коконор (Амдо) и Цайдам с четырьмя нанятыми верблюдами и одним бурятским помощником по имени Мархай Санжиев.

Таким было начало путешествия, полного рисков и приключений, которое продлилось два с половиной года. «Отправляясь в путь, как простой бурятский паломник, - вспоминал позже Цыбиков, - я должен был принять во внимание предрассудки местного населения.

Поэтому сбор любых естественнонаучных коллекций, геодезические съемки по маршруту, запись точных наблюдений и т.д. – были абсолютно невозможны. Фотоаппарат, который я взял с собой, а также термометр Реомюра, должны были содержаться в тайне и были заперты в моем сундуке до тех пор, пока мы не достигли Лхасы. В моем распоряжении была небольшая тетрадь, в которую я вносил записи каждый день, однако даже это я должен был делать втайне от любопытствующих взглядов посторонних».

Цыбиков добрался до Лхасы в составе большого каравана монгольских паломников 3 августа 1900 года. Перед городскими воротами его приветствовал односельчанин из Аги – Гончок, который к тому времени знал, что в караване есть и буряты. Гончок помог Цыбикову найти, где остановиться в городе – это был дом другого агинского бурята, ламы по имени Дампил Суходоев, который жил в Лхасе уже около 20 лет. Его дом, известный как Джамьян-шар (Восточная резиденция Джамьянга), принадлежал Гоман Дацану монастыря Дрепунг, крупнейшего в Тибете, и располагался близко к центру города. Цыбиков встретил и другого земляка – Дагдана Бадмаева – шурина мужа его старшей сестры. Он пришел в Лхасу из Агинской степи в далеком 1880 году и с тех пор выучил тибетский язык и овладел буддийскими науками. Он стал компаньоном и гидом Цыбикова на время пребывания последнего в Лхасе. Вместе они посещали разные места и совершали длительные прогулки по городу и окрестностям; Дагдан Бадмаев был важным источником сведений о Тибете.

Цыбиков стал фотографировать Лхасу во второй части 1900 года, вскоре после того, как обжился там. Книга, которую он позднее напишет о своем путешествии, содержит лишь одну короткую отсылку к фотосъемке, которую, по его рассказу, он вынужден был производить так, чтобы никто, включая его компаньона, не знал об этом. Цыбиков оставался в Тибете до конца лета 1901 года. Большую часть времени он провел в Лхасе, где посетил все основные буддийские места паломничества, такие как Джоканг и Рамоче, Поталу и другие монастыри.

Время от времени ему удавалось посещать три великих монастыря – Дрепунг, Сера и Ганден, в которых он останавливался на несколько дней; кроме них он посещал и более отдаленные – Ташилунпо, Цетанг и Самье, из которых последний – старейший в Тибете - был основан в 779 году.

Продолжение статьи читайте на стр. 4

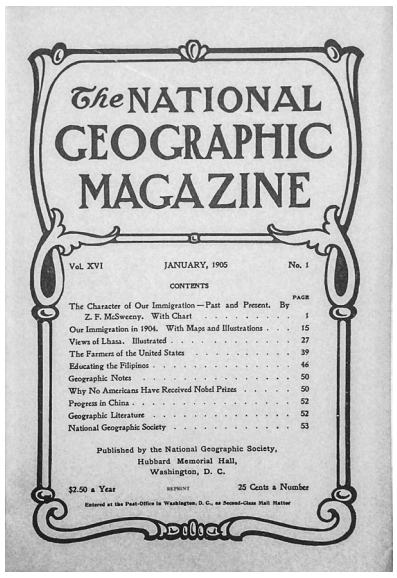
Фотограф Запретного города: необычное путешествие Гомбожаба Цыбикова

Продолжение статьи. Начало читайте на 3 стр.

10 сентября 1901 года Цыбиков отправился обратно в Россию по северному маршруту через долину Чанг Танг, Цайдам, Амдо (с остановками в монастырях Лавран и Кумбум) и пустыню Гоби. Он достиг Кяхты 2 мая 1902 года.

В интернете можно найти упоминания о том, что известный американский журнал National Geographic избежал банкротства благодаря вовремя попавшим в редакцию фотоработам Г. Цыбикова, сделанным в Лхасе.

А. А.: Известно, что на рубеже 1904–1905 годов это был малотиражный журнал естественно-научной тематики, и он переживал трудные времена. Катастрофически не хватало денег на статьи для очередного номера. И тогда сотрудники издания пошли на вынужденный эксперимент: заполнили 11 полос фотографиями Лхасы, которые Г. Цыбиков предоставил им бесплатно, и снабдили кадры небольшими комментариями. Таких фоторепортажей тогда не печатал ни один журнал. Традиционно, снимки могли быть иллюстрациями к длинным текстам, но отнюдь не самостоятельным материалом. Читатели были в восторге от необычного выпуска. Так журнал нашел свой фирменный стиль и стал популярным.


The NATIONAL GEOGRAPHIC MAGAZINE

Vol. XVI JANUARY, 1905 No. 1

CONTENTS

PAGE

The Character of Our Immigration—Past and Present. By Z. F. McSweeny. With Chart . . . 1
Our Immigration in 1904. With Maps and Illustrations . . . 15
Views of Lhasa. Illustrated . . . 27
The Farmers of the United States . . . 39
Educating the Filipinos . . . 46
Geographic Notes . . . 50
Why No Americans Have Received Nobel Prizes . . . 50
Progress in China . . . 52
Geographic Literature . . . 52
National Geographic Society . . . 53

Published by the National Geographic Society, Hubbard Memorial Hall, Washington, D. C.

$2.50 a Year REPRINT 25 Cents a Number

Entered at the Post-Office in Washington, D. C., as Second-Class Mail Matter

Журнал, выживший благодаря Г. Цыбикову
(его материал - с. 27 и далее)

Как были восприняты результаты экспедиции Цыбикова в России?

А. А.: 20 мая 1903 года Цыбиков - к тому времени уже лектор монгольского языка в Восточном институте во Владивостоке - дал подробный отчет о своем необычном путешествии в Тибет перед собранием членов ИРГО. Рассказ сопровождался демонстрацией 32 фотографий со стеклянных негативов. История поездки была воспринята научной и светской аудиториями с большим энтузиазмом: фотографии Лхасы стали настоящей сенсацией – до

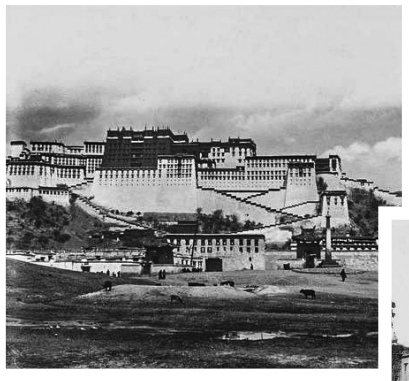


Фото Г. Цыбикова

него ни один европейский ученый не видел города. К тому времени Лхаса привлекла серьезное внимание европейских политических лидеров и общественности благодаря «Большой Игре» (важный период русско-британского соперничества за господство в Центральной и Средней Азии с 1813 по 1907 годы). Это соперничество постепенно приближалось к критической точке, после того как западные СМИ сообщили новости о миссии Агвана Доржиева, с которой он приехал в Россию в 1901 году. Цыбиков, проводя лекции и демонстрируя фотографии, без сомнения, лишь добавил динамики англо-российскому соперничеству за Тибет. То, что британцы были уязвлены фактом недавнего успешного путешествия бурятского ученого в Тибет, следует из многочисленных комментариев в лондонских газетах. В Санкт-Петербурге ученые воздали должное путешественнику за его огромные усилия и труд: Совет РГО наградил его премией им. Пржевальского – суммой в размере 800 рублей. На том же заседании совета РГО было решено «издать описание путешествия отдельной книгой с иллюстрациями и доверить редактуру С. Ф. Ольденбургу и А. В. Григорьеву». Кстати, уместно упомянуть и о другой важной дате в этом контексте: в сентябре исполняется 160 лет со дня рождения выдающегося востоковеда, академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга.

Отдельно от информации, полученной им о Тибете, Цыбиков привез в Санкт-Петербург огромную коллекцию тибетских печатных книг, созданных способом ксилографии (в этой технике деревянные блоки выступают в роли матрицы). Отпечатаны они были в монастырях Лхасы, Ташилунпо и Шалу. Они содержали труды и трактаты наиболее выдающихся ученых последних девяти столетий по медицине, философии, истории, географии, астрономии и астрологии, биографии религиозных деятелей, тексты монастырских книг, собрания молитв и восхвалений, описания религиозных ритуалов. ИРГО опубликовало полный список трудов, добытых Цыбиковым: 333 тома. Рассматривая фотографии Цыбикова, мы должны принять во внимание, что у него не было фотографического опыта до поездки в Тибет. Кроме того, учитывая сложные обстоятельства, в которых он находился, он проделал грандиозную работу. Наиболее заметная особенность всех фотографий – практически полное отсутствие в кадре людей. Они выглядят статичными и «необитаемыми». Но, как мы уже упоминали, фотографии делались в условиях абсолютной секретности.

Покидая Лхасу, Цыбиков написал в своем дневнике: «При прощальном взгляде на этот город я не мог отказаться от смутного желания снова побывать в нем. Я только что начал привыкать к его осмысленной жизни и обычаям и языку этого своеобразного народа. Все было оставлено на полпути или даже в самом начале...».

Мы благодарим Александра Ивановича за интересную беседу об уникальном путешествии выдающегося бурятского ученого и востоковеда Гомбожаба Цыбикова.

Интервью: Антон Чернышевич

Канон или современное искусство?

Продолжение статьи. Начало читайте на 3 стр.

Большинство людей воспринимают изображения будд, как внешних по отношению к ним живых существ и это, возможно, даже отдаляет их от сути буддийской практики, от понимания того, что сам человек должен культивировать в себе эти качества, если хочет достичь состояния будды. На мой взгляд, буддийские иконы носят даже больше технический характер, подобно чертежам или схемам в научной литературе. Они описывают определенные состояния ума и свойственные им качества, облекая их для наглядности в изображение на холсте. Смысл создания тханки заключается в том, чтобы помочь нам реализовать эти состояния ума на собственном опыте.

Также художник-тханкописец использует процесс написания иконы для личной медитативной практики. Это настолько тонкая, длительная и скрупулезная работа, что её невозможно делать в обычном состоянии. Ты можешь приступить к работе с беспокойным умом, но тебе придется успокоиться, чтобы линии были точными и ровными. Следующая цель художника - помочь людям, дав им эти образы: они смогут заниматься медитацией с их помощью. По крайней мере, холсты привлекут их внимание, заинтересуют и помогут больше узнать о буддийской философии. Икона в буддизме имеет практическое значение, и ошибочно полагать, что это просто картины или направление в живописи.

> ***«Художник-тханкописец использует процесс написания иконы для личной медитативной практики и чтобы помочь людям, дав им эти образы»***

Некоторые художники-тханкописцы, работающие, в том числе, и в разных стилях современного искусства, говорят о том, что для них совмещение традиции и собственных идей – это решение проблемы постоянной разделенности жизни на две части: духовную, когда они заняты какой-либо практикой, и мирскую, когда заняты делами.

Лама Ананда: Приведу пример из собственного опыта. Когда-то я просто занимался промышленным дизайном - ещё до учебы в Буддийском университете. В тот период моя дизайнерская работа никак не была связана с философией буддизма. Позже, в процессе обучения в университете «Даши Чойнхорлин», буддийское мировоззрение стало проникать и наполнять все мои работы, даже те, что не были связаны с буддизмом концептуально – это были обычные коммерческие заказы, например, на изготовление логотипа компании или разработку фирменного стиля. Конфликта в таком случае между духовным и материальным не возникает. С течением времени и углублением понимания учения разделение на мирское и духовное исчезает, и все твои действия подчиняются единому смыслу. Особенно, если человек тратит хотя бы часть заработанных средств на то, чтобы помогать другим.

Мы благодарим Ананда Ламу за подробные разъяснения нюансов восприятия буддийской иконографии и ее роли для человека. Продолжение интервью читайте в следующем выпуске.

Интервью: Антон Чернышевич

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу, свидетельство ПИ № ТУ-7802272 выдано 8 февраля 2023 года.
Учредитель и главный редактор:
ИП Чернышевич Антон Михайлович.
E-mail: newspaper.dazanspb@gmail.com
Адрес редакции: Санкт-Петербург, Приморский пр-кт, 91, Санкт-Петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй».
Тел. редакции: +7 (812) 430-03-41 (приемная настоятеля храма), +7 931 321 59 57 (главный редактор издания).

Отпечатано в ООО «Полифарм» 197101, Санкт-Петербург, ул. Кронверкская, д. 23, лит. А. Тираж 1000 экз. Заказ № 446. Время подписания в печать по графику и фактически: 21.08.23, 17:00.

Не для продажи. Бесплатно. Для аудитории 12+. Перепечатка, использование материалов частично или полностью без письменного разрешения редакции газеты «Традиционная Сангха России» запрещены. Точка зрения обозревателей может не совпадать с мнением редакции.

Газета доступна на сайте храма «Дацан Гунзэчойнэй» www.dazanspb.ru для бесплатного скачивания в электронном формате:

Дизайн и верстка:
ИП Гаврилов Д.Е. (www.studiosplav.ru)